

Лия Бушканец

Борец с мифом, или мемуарист, считающий себя Гераклом (Антон Павлович Чехов: Опыт характеристики Н.М. Ежова).

The Fighter against the myth, or the memoirist who considers himself a Hercules (*Anton Pavlovich Chekhov: an attempt at a characterization* by N.M. Ezhov).

The article is devoted to the scandalous memoirs of Nikolai Ezhov about Chekhov, in which the author was considered an average writer and a greedy and petty man. The memoirs are analyzed in the context of the history of the formation of the literary reputation of Chekhov. The article is based on archival resources, newspapers and journals of the early twentieth century. The aim is to show that these kinds of memoirs try to resist the idealization of the writer by the public. However, this strategy often brings to reduction and simplification.

В 1909 г. журналист и весьма средний беллетрист Н. Ежов опубликовал значительную по объему и программную по содержанию мемуарную статью *Антон Павлович Чехов: Опыт характеристики*. Он сразу же предупредил читателей, что все материалы, появлявшиеся в печати после смерти Чехова, недостоверны: письма Чехова литературны, т.е. фальшивы, ценность записок “гг. воспоминателей” он еще более отрицал: они “представляют собой сплошной хвалебный хор”, потому досадно и обидно за Чехова, “когда читаешь белиберду какого-нибудь исступленного воспоминателя” (Ежов 1909а: 500-501). А вот его, Ежо-

ва, цель – полная объективность честного биографа, желание установить “истинный размер” Чехова как человека и писателя. В сущности, он поставил перед собой героическую задачу: он один своими воспоминаниями хотел изменить сложившееся к этому времени представления о Чехове.

Популярность Чехова среди интеллигентной и полуинтеллигентной публики уже со второй половины 1890-годов была огромна. Чехова узнавали на улицах, искали встреч с ним: “Обаяние личности Чехова в Ялте было так велико, что перед ним на улице снимали шляпу совершенно незнако-

мые люди, а он страшно при этом конфузился. Но часто назойливым приставанием ему причиняли прямо страдания. Помню такой случай. Сидим мы на скамеечке в Александровском сквере, разговариваем, смотрим на морской простор... Мимо проходит какой-то студентик с двумя барышнями. Увидав писателя, он о чем-то шушукается со своими спутницами, потом быстро подходит к Чехову, снимает фуражку и спрашивает: 'Вы – Чехов?..' – 'Да, Я!..' – растерянно отвечает А.П. – 'Больше мне ничего не нужно!..' И я видел, как краска залила бледные щеки Чехова. 'Как не деликатно и назойливо!' – прошептал он мне" (Менделевич 1914).

Сразу после смерти Чехова на Россию обрушился настоящий вал мемуаров. "Ни об одном русском писателе еще не появлялось в короткий срок одного года после его кончины такого количества воспоминаний о нем, рассказов о встречах с ним, случайных разговоров и подхваченных на лету 'словечек', отрывков из писем и т.д.", – писал в 1906 г. критик и литературовед Ф. Д. Батюшков (Батюшков 1906: 3). Мемуары сразу стали предметом активнейшего обсуждения в периодической печати через

рецензии, полемические отклики, фельетоны и пародии, многочисленные перепечатки. Но мемуаристы не могли не учитывать ситуации 'всемирной любви к Чехову', были вынуждены смягчать личные, идейные и литературные разногласия. Рассказывая о случайной встрече, они с восторженным пафосом восклицали: каким 'деликатнейшим человеком' был наш 'незабвенный писатель', 'певец сумерек', которого так мучила тоска за свою больную родину и серую русскую жизнь: "Все воспоминания и характеристики свидетельствуют прежде всего о необыкновенном обаянии Чехова, которому подчинялись лично его знавшие, об его умении с каждым обойтись не только приветливо, но с какой-то задушевной лаской, и лишь в редких случаях он давал отпор, уходил в себя, стараясь отделаться, приняв сухой тон или прибегая к насмешке" (Батюшков 1906: 4). А рецензенты, попавшие под гипноз 'тихого и теплого обаяния', ревностно следили за сохранением идеального образа мягкого, доброжелательного, исключительно правильного и добродетельного человека с 'кроткой душой' и утверждали, что в интересах памяти писа-

теля те или иные факты просто не должны попадать в печать.

И. Анненский в письме от 5 июля 1905 г. Е. М. Мухиной отреагировал на сложившуюся ситуацию так: “Газеты полны теперь воспоминаниями о Чехове и его оценкой или, точнее, переоценкой. Даже «Мир Божий», уж на что, кажется, Иван Непомнящий из пересыльной тюрьмы, и тот вспоминает... Любите ли Вы Чехова?... О, конечно, любите... Его нельзя не любить, но что сказать о времени, которое готово назвать Чехова чуть-что не великим? Я перечел опять Чехова... И неужто же, точно, русской литературе надо было вязнуть в болотах Достоевского и рубить с Толстым вековые деревья, чтобы стать обладательницей этого палисадника... Ах, цветочки! Ну да, цветочки... А небо? Небо?! Будто Чехов его выдумал. [...] Я чувствую, что больше никогда не примусь за Чехова. Это сухой ум, и он хотел убить в нас Достоевского – я не люблю Чехова и статью о *Трех сестрах*, вернее всего, сожгу... Господи, и чьим только не был он другом: и Маркса, и Короленки, Максима Горького, и Щеглова, и Гнедича, и Елпатьевского, и актрис, и архиереев, и Батюшкова... Всем угодил – ласковое теля... И все это теперь об нем

чирикает, вспоминает и плачет, а что же Чехов создал? [...] Простите мне ненужную

желчность этих страниц... Боюсь их перечитывать, боюсь их посылать... Никогда не говорите мне об этом письме, пожалуйста” (Анненский 1905).

Понятно, что в этом контексте статья Н. Ежова была воспринята как вызов и спровоцировала практически всероссийский скандал. Одобрительных отзывов Ежов получил немного – несколько читательских писем, опубликованных им же самим, но против мемуаров выступили все крупные газеты и критики.

С Ежовым Чехов был знаком с середины 1880-х гг., помог устроиться московским корреспондентом газеты «Новое время» (где он, в основном, вел фельетон *Московская жизнь*). В конце 1880-х гг. имена Чехова и Ежова как многообещающих молодых талантов в некоторых рецензиях стояли рядом, затем, естественно, разошлись – хотя Ежов и не был с этим согласен.

Первые мемуары о Чехове, скромный фактографический очерк, он опубликовал уже в июле 1904 г.: “Не как простой обозреватель московской жизни, по обязанности отмечающий события текущих дней, а как старый товарищ, горячий

поклонник и человек, много обязанный и глубоко благодарный, хочу говорить о Чехове". И рассказал об идеальном человеке: Чехов изумительно красив (волнистые волосы, задумчивое лицо, мечтательные глаза, ласковая улыбка), восхитительно добр, удивительно справедлив. Начинающие беллетристы, драматурги, поэты начинали "кишеть в его кабинете", но в любое время Чехов давал товарищеские советы, ободрял. Литературная слава его росла, его стали окружать актеры-премьеры, генералы, известные писатели, но к бывшим сотоварищам он всегда относился ласково и внимательно: "Быть может, у него несколько кружилась голова от этого успеха, но гордости, надменности никогда не было". Первые свои рассказы мемуарист писал под влиянием бесед и советов Чехова, тот правил их перед отправкой в «Новое время». Ежов торжественно пообещал, что та помощь и дружеское участие, которые он, когда-то начинающий писатель, одинокий, встретил со стороны большого писателя, создали вокруг Чехова в его глазах такой "лучезарный ореол", который не померкнет для него до конца дней (Ежов 1904). Мемуарист, пожалуй, слегка переусерд-

ствовал в елейной интонации, чем и вызвал иронию известного театрального критика А. Кугеля: "Он все визиты к Чехову помнит. Частенько-таки бывал, и всякий раз какое-нибудь свое произведение в подарок Чехову привезет, а тот все читал и читал их. В рукописи! Наслаждений-то сколько! От переизбытка наслаждений, может быть, и умер так рано!" (Кугель 1904)

На несколько лет «Новое время» потеряло интерес к Чехову – без внимания осталась даже первая годовщина со дня его смерти. И вот появляется нашумевшая статья. Мемуары Ежова 1909 года интересны с трех точек зрения: важно понять, насколько они достоверны, на их материале можно выявить технологию создания мемуарного текста, задача которого – борьба с мифами о писателе, показательна также реакция общества, критики и литературоведения на такого рода тексты.

Жизнь и литературную деятельность Чехова Ежов традиционно для критики начала XX века делит на три периода: сотрудничество в *Осколках*, «Петербургской газете» и «Новом времени»; сотрудничество в «Русской мысли» и «Северном вестнике»; сотрудничество с Художественным театром.

Наиболее плодотворным он, естественно, считал первый период. Вопреки сложившейся 'либеральной версии' (первый период – юмористический, второй – сотрудничество в солидных изданиях: короткий период «Нового времени» и основной в «Русской мысли»), он рассматривал Чехова юмористических изданий и Чехова «Нового времени» вместе, чтобы доказать, что талант был замечен, развит, отшлифован в «Новом времени», что Чехов попал в газету благодаря 'недреманному оку' ведущего критика газеты В. Буренина, который рекомендовал писателя Д. Григоровичу и А. Суворину. С утверждением либеральных изданий, что Чехова открыл Григорович, он решительно не согласен: «Новое время» принесло писателю славу – он стал самым модным писателем Петербурга. Дальнейшая его литературная карьера быстро достигла зенита, но слава совершенно изменила Чехова: "Он стал суховат с прежними благоприятелями. [...] Критиковать его произведения запросто, по-приятельски, стало уже страшно. Он постепенно отодвинул от себя авторитеты, встал в роли критика даже по отношению к большим писателям", возомнил о себе не как

о литераторе в удаче, а как о гении, чего на самом деле не было. Не мудрено, что Чехов попал 'в западню', в «Русскую мысль». Результат не замедлил сказаться – он сразу упал как писатель. В *Попрыгунье* Ежов увидел "низменные страсти", "мелочность и злобную мстительность", поездка на Сахалин, странная пьеса *Чайка* – это все метания из стороны в сторону, писатель, сам себя произведший в гении, искал гениального сюжета, нововременские успехи показались ему мизерными, он потерял свой путь. Он сильно полевел, но и от этого как талант не выиграл. Чехов-драматург Ежову также абсолютно несимпатичен. Само обращение к драматургии объяснено выгодой этого занятия: "Чехов любил заработать побольше, любил большие гонорары..." (Ежов 1909а: 507). Основные черты Чехова-человека Ежов вывел из его мещанского происхождения (подумайте, какой Ежов марксист оказался, иронизировал один из критиков): "Но если мы вспомним детство Чехова, его торговлю в лавочке отца, его прежнюю бедность, мы многое поймем в обиходе Чехова [...]. Когда он продал Марксу свои сочинения за 75 тыс. рублей, все почему-то закричали: 'Чехов мало взял!' Но

Чехов недаром был по природе купец” (Ежов 1909а: 508-509).

Словом, Чехов был малообразованным, малоодаренным, до предела самолюбивым, жадным до денег человеком, который, пока им руководил Суворин, писал более-менее неплохие рассказы. Как отметил по этому поводу критик В. Крайнихфельд, “скупой торгаш (купец по природе), обуреваемый к тому же вполне низменными страстями, Чехов с портрета Ежова выглядит каким-то дегенератом, который попал не в арестантские роты, а в литературу только попустительством Суворина и неба. Глядишь на этот портрет и удивляешься – не столько даже уродству обезображенного Чехова, сколько тому сладострастию, с каким портретист выполняет свою неблагоприятную работу” (Крайнихфельд 1910: 125).

Технология снижения образа писателя, мифологизированного обществом, проста и одинакова во все времена: писатель объявляется не соответствующим некоему идеальному образу в упрощенном сознании среднего человека. Он жадный, а должен быть щедрым, обижал людей, а должен был обладать всемирной отзывчивостью, пил водку, а должен был быть трезвенником, критиковал коллег-

писателей, а должен был от восхищения ими порвать свои рукописи, и так далее. А главное – он писатель средненький. Обращен такого рода текст всегда к читателю – носителю средней морали.

Но мотивы такого мемуариста не будем упрощать. Конечно, нельзя забывать о зависти, которую Ежов наверняка испытывал к Чехову: сыграло роль то, что он пытался вслед за Чеховым попасть не только в «Новое время», но и следовать за ним далее в «Русскую мысль», хотя в большую литературу его ‘не взяли’. Но главное не в личной обиде.

Во-первых, в 1909 г. Ежов попытался исправить свою былую ошибку. Противоречия между двумя выступлениями не смущали его, он даже не потрудился оправдаться за публикацию 1904 года. Теперь он горд собой, тем, что рискнул пойти против господствующей в обществе либеральной политической силы и выступить в защиту газеты, в которой служил.

Дружба Суворина и Чехова, сотрудничество последнего в «Новом времени» всегда занимали общественное внимание. Е.А. Динерштейн отметил, что не просто Чехов отошел от Суворина и газеты, но на самом деле расхождение и раздраже-

ние были взаимными. Об этом свидетельствуют, например, отзывы Суворина на произведения Чехова, написанные после ухода из газеты. Кроме того, если Суворин и не решался открыто выразить накопившееся раздражение при жизни Чехова, то ближайшее окружение, бывшее в курсе всех перипетий их отношений, хорошо знало, что они были уже не столь лучезарны, как прежде (Динерштейн 1987). Так, отрицательные рецензии В. Буренина, который связывал то, что талант писателя не развивался, с появившимися за последние годы у Чехова стремлениями писать с “солидно-либеральными тенденциями” (Буренин 1895), сопровождали практически все новые произведения Чехова, естественно, не без ведома Суворина. Но когда смерть Чехова проявила огромную читательскую любовь к нему, газете пришлось напомнить, как много дало Чехову сотрудничество с ней, и этим оправдать себя. По числу чеховских материалов газета занимала летом 1904 года одно из первых мест. Два больших некролога были опубликованы уже 3 июля, и в одном из них газета напоминала, что сотрудничество Чехова началось 15 февраля 1886 года и именно после большого успеха в газете

он начал печататься в толстых журналах.

О том, что в 1909 году Ежов попал в тон, свидетельствует одобрение его Сувориным и Бурениным. А. Амфитеатров удивлялся, почему Ежову было разрешено напечатать свои инсинуации в журнале, принадлежащем фирме Суворина, поскольку он верил, что Суворин сохранил любовь к Чехову (Амфитеатров 1910). Е. А. Динерштейн нашел архивные материалы – запись Ежовым встречи с Сувориным. Получив возмущенное письмо М. П. Чеховой, Суворин пригласил к себе Ежова: “Впрочем, он находит, что я чересчур резко напал на Чехова, что этого делать не следовало. Со мною Суворин был очень любезен, и я думаю, что он нисколько на меня не сердится за Чехова. В этом случае г-жа Чехова мне сильно помогла своим доносом” (Динерштейн 1987: 136-137). В письме Ежова от 22 сентября 1914 года читаем: “Мне придется, говоря более всего о Суворине, касаться и других лиц, в т. ч. и Ант. Чехова. Вы советуете мне воспользоваться случаем и, отдавая истине предпочтение перед личным, принести нечто вроде покаянного псалма. Извиняюсь, я этого сделать никак не могу. Если бы я это совершил, полу-

чилося бы как раз впереди личное – в ущерб истине. Я написал о Чехову одну горькую правду. Покойный С. Н. Шубинский находил мою характеристику вполне верной, В. П. Буренин прислал мне большое письмо, где советует даже издать мою статью о Чехове как статью, весьма правильно рисующую личность Чехова – и человека, и писателя. Сам А. С. Суворин в конце концов говорил: ‘Не понимаю, за что напали тогда на Ежова! Я на днях вторично прочитал его статью о Чехове. Есть в ней очень немного черточек, которые следовало бы вычеркнуть – о Книппер, например, напрасно сказано, что она еврейка. Но статья интересна. Знаете, я бы, если бы вздумал писать о Чехове, наговорил бы в десять раз хуже’. Эти слова переданы мне тем лицом, кому были сказаны. Впрочем, прошу Вас быть в покое. Ничего ‘страшного’ о Чехове я не скажу. Напротив, воздержусь от всяких критических выводов. Чехову я всегда готов отдать должное, как очень талантливому писателю, но все-таки писателю второстепенному. Недавно я говорил о нем с А. С. Сувориным, с которым очень давно не виделся. Вспоминали мы прошлое, вспомнили и Антона Павло-

вича. И, поверьте, вспомнили добрым словом” (Ежов 1914).

Прямо обосновывал свою позицию мнением Суворина Ежов в своем мемуарном очерке 1915 года. Он привел восторженные рассказы Чехова о Суворине (Ежов 1915: I, 118). Десятый раздел специально посвящен тому, что Чехов был многим обязан Буренину и Григоровичу, но Суворину – всем, потому что именно он отыскивал Чехова в мелкой прессе и способствовал его славе: по свойству своей натуры делать людям добро, Суворин отдавал Чехову столько отцовской ласки и любви, что тот должен был до гробовой доски это ценить и помнить (Ежов 1915: II, 453). Но “откровенные и проникнутые горьким чувством упреки Суворина раздражали Ант. П. Чехова”, “он и физически был нездоров” – в результате “очень жаль, что все так вышло”. И хотя “у А.С. Суворина, говорят, был дурной характер. Что ж, разве Суворин не человек” (Ежов 1915: II, 452-455, 463), он искренно любил Чехова: “А. С. Суворин, узнав о смерти Чехова, этого цветка, пересаженного с его гряды неумелыми руками, – написал горячую статью, посвященную памяти Антона Чехова. Статья эта известна всем [...]. Впо-

следствии, увидавшись с Сувориным и рассказывая ему о встрече и похоронах, я услышал от него фразу: 'Москва умеет ценить людей, и Чехов стоит общих слез и сожалений. Беда в том, что он не так, как бы следовало, распорядился при жизни и своим дарованием, и своим здоровьем'" (Ежов 1915: III, 864).

В 1944 году в журнале «Октябрь» были опубликованы письма Чехова к Ежову, сопровождавшиеся комментариями П. С. Попова, опиравшегося на устные комментарии самого Ежова. Сообщалось, что в 1914 году мемуарист хотел переиздать воспоминания отдельной книгой и обратился к В. Буренину с просьбой написать предисловие. Книга не вышла, Буренин предисловия не написал, но воспоминания одобрил (Попов 1944: 133-134).

Так что демифологизирующие мемуары, частично порожденные личной завистью, в то же время отвечают на потребность той или иной общественной группы, которая незримо стоит за спиной мемуариста и поддерживает его. В одиночку выступить против большинства мемуарист вряд ли бы решился.

Еще один вопрос – о достоверности мемуаров.

Мемуары Н. М. Ежова в советские годы не перепечатывались и были практически забыты. В крайнем случае, о них отзывались мельком как о курьезе. В 1990-2000-е, когда возник спрос на сенсации, литературоведы и биографы В. Рынкевич (Рынкевич 1998), Д. Рейфилд (Рейфилд 2011) и др. стали активно к ним обращаться (Черменская 1995), появились и перепечатки (Среди великих 2001). Отношение литературоведов колебалось от сомнений к полному принятию того, что сообщал Ежов.

Ежов был вполне искренен в своей попытке рассказать о Чехове – но искренность намерений не является синонимом достоверности. И в то же время вопрос о достоверности в данном случае не может быть решен однозначно.

Ежов в своей статье хотел сделать “посильную оценку” литературной деятельности “покойного симпатичного писателя” и сообщить “кое-какие факты из его жизни, рисующие Чехова как человека”: “Право, вся шумиха поднята по недоразумению. Заподозрили – и даже люди очень благоразумные – развенчиванье Чехова, чего на самом деле вовсе не было. Всем моим читателям, корреспондентам и критикам я заявляю одно: приступая к

характеристике Чехова, я желал сказать о нем правдивое слово, в котором нет ни лести, ни недоброжелательства. Допускаю, что у меня есть ошибки, но и это заранее было оговорено в моей статье. Я просил меня поправить, если что не совсем верно, а меня стали поносить и ругать, особенно те, кто даже не прочитал мою статью. Да, трудно у нас теперь говорить горькую правду. Но совесть моя спокойна, и готов встретить новые нападки. На брань и гадкие ответы отвечать не буду... [...] Знакомые из Петербурга писали мне: “Чтобы идти вразрез с огромным большинством, надо иметь большой запас мужества. Смотрите, вам достанется от ярых чеховцев”. Кроме того, Чехов состоял в лагере, где партийность исключает “всякую надежду на справедливую критику...” (Ежов 1909б: 596 и 607) Он писал, что если бы он вычеркнул поступки Чехова с Левитаном или с моделью для искаженного портрета в *Ариадне*, то бы обманул читателей (Ежов 1909а: 508).

Какую правду имел в виду Ежов? Мемуарист знал Чехова с 1880-х гг., когда работа над собой молодого провинциала, только прибывшего в Москву из Таганрога, еще только начиналась: в Чехове сильны

были черты, связанные с мешчанским мироощущением, он бывал груб и резок, по-базаровски самоуверен и эпатажен, иногда и невоспитан. Ежов, прочитавший десятки восторженных мемуаров об очаровательном Чехове, помнил его иным и писал: “Собирая материалы для биографии незаурядного деятеля, – Чехов же был деятель крупный и блестящий, – всякий должен отдать себе отчет: для кого он пишет, для друзей усопшего деятеля или для широкого круга публики: для друзей и родных пишутся панегирики, что особенно к лицу деятелю сомнительному, а для правильного понимания выдающегося писателя, артиста, художника и т.п. следует рисовать точный его портрет. Помоему, начав писать биографию Чехова, ни один биограф не имеет права утаить яркие факты жизни этого литератора, хотя бы сам по себе иной факт показывал Чехова в невыгодном освещении. Так поступил и я, собрав о Чехове все светлое, украшающее, но точно так же упомянул и о том, что не прибавляло Чехову в его достоинствах. И я не злорадовался, а скорбел, приводя примеры падения его таланта или уклонов в сторону с прямого пути. Этого, кажется,

не понял ни один критик, вступивший со мной в полемику” (Ежов 1909б: 597).

Внешняя грубость в общении была свойственна всему молодому поколению разночинцев 1880-х годов, чаще всего интеллигентов в первом поколении. Кстати, грубовато-фарсовая манера проявилась даже в тоне воспоминаний и беллетристических произведений И. Щеглова, Михаила Чехова и некоторых других: подобный тип поведения остался для них привычным, Чехов же провел огромную работу над собой. Об этих чертах раннего Чехова не принято было писать в мемуарах (о мертвых либо хорошо, либо ничего), но иногда эти черты молодого писателя отражались в романах, прототипом героев которых был Чехов. В 1895 году П. Боборыкин опубликовал в журнале «Вестник Европы» роман Ходок. В нем есть герой – писатель Малышев. Независимость его суждений об общественной жизни и людях не просто удивила, но потрясла практически идеального главного героя. Между ними зашел разговор об общем знакомом: “Только ведь они слишком уже наивно веруют в свои миссии. [...] Я никого и не виню, граф. Энтузиазм – хорошая штука, только надо чо-

рту прямо в глаза смотреть. Все мы, сколько нас ни есть – литераторы ли, ученые ли, земцы ли, статистики ли, педагоги ли... нас только терпят, как необходимое зло! – не больше’. Таманцев ожидал от Малышева смелости взглядов, но не того тона и не такой подкладки. [...] Малышев засмеялся довольно добродушно и показал свои большие и свежие зубы. [...] ‘Кто спорит! – продолжал все в том же тоне Малышев. – Малый он душевный; но знаете, граф, такие, как Илья Ефимович – а их целый легион, – для меня, например, как для беллетриста – менее занимательны, чем темный народ, какого я вон здесь, в полпивных и притонах Сенной откапывал. [...] Я психию каждого из них знаю до тошноты. Знаю, что он мне будет рассказывать про себя; знаю, какое он о себе мнение имеет, какие книжки читал, во что верит, чего ждет, кого считает Мессией. И все почти на один шаблон. Еще женщины выдаются покуръезнее. А мужчины для меня совершенно выдохлись. То ли дело, – одушевился он, и глаза его красиво блеснули, – то ли дело, когда встретишься с каким-нибудь махровым червонным валетом, с блистательным прошедшим! Просто

объединение! [...] Вот, который год я читаю про себя в наших честных, – он протянул слово, – органах печати. И все одна и та же канитель! ‘Господин Малышев не показывает нам, каковы его идеалы. Печально видеть, как в молодой генерации беллетристов все уходит на культ формы’... И так далее, и так далее... И все отчего? Оттого, что вы не хотите ничего подслащивать, ни интеллигенции, ни народа, не хотите позволять себе пошлостей, в виде поучительных тирад и жалких слов” (Боборыкин 1897: 41, 43-45).

Потому многое из рассказанного Ежовым действительно могло быть. Но А. Амфитеатов дал свой комментарий к некоторым чеховским словам или поступкам:

Эпизод о Билибине, рассказанный г. Ежовым, истолкован мемуаристом, задавшимся целью ‘во всем дурное видеть’, в злобном смысле, которого не только ‘друг’ Чехова, но и человек, хоть сколько-нибудь его знавший, никогда бы этому отзыву не придал. Г-н Ежов пишет: ‘Его (Чехова) друг, покойный В. В. Билибин, рассказывал: ‘Встретил я Чехова. Не-

узнаваем. Сказал мне: вы бы выслали мне свои водевиль, я поеду скоро к Черному морю, буду их читать, прочту один – и за борт, прочту другой – туда же...’ Это очень оскорбило Библина, но, как человек воспитанный и вежливый, он и виду не показал, что обижен старым приятелем по Осколкам. По-моему, тут есть только одна несомненная правда: что В. В. Билибин был действительно человек необычайно воспитанный и вежливый. Но, кроме того, он был человек с большим самолюбием, и не вздорным, не крикливым, а настоящим джентльменским. Так что, если бы Чехов сказал ему вышеприведенные насмешливые фразы с целью оскорбить, то, полагаю, г. Ежов жалобы от В. В. Библина на то не услышал бы. Но г. Ежову просто угодно истолковывать в скверном для Чехова смысле обыкновеннейший товарищеский разговор в том условно-ироническом тоне, который был общим в молодых литературных компаниях 80-х и

начала 90-х годов и отголосков которого каждый из нас может найти и в своих воспоминаниях о Чехове, и в сохранившихся его письмах – сколько угодно. Но никому из нас и в голову не приходило ни воображать, будто Чехов нас тем обижает, ни считать за то Чехова злодеем своим. Как аукалось, так и откликалось. Чехов подсмеивался и дразнился, и над Чеховым подсмеивались и дразнились. Да и сам он был мастер трунить над собою и произведениями своими и доходил в этом самоосмеянии иногда до того, что поклонников, и в особенности поклонниц, его весьма корбило, а иных и почти до слез раздражало. В то время еще не было эпидемии литературной мании величия, и человек, написав дюжину рассказов или десятка два стихотворений, не спешил воображать себя великим творцом, если не самим богом, а писание свое – божественным таинством [...] При таком автоскептицизме, так сказать, богемный тон взаимной добродушной

насмешливости, естественно, становился господствующим, и никто никогда не думал им обижаться, ни принимать его всерьез, кроме двух-трех ‘дутиков’, носивших себя от младости, яко сосуды с драгоценною влагою, которую, ах, не расплескать бы. [...] Да если даже и серьезно Чехов сказал Билибину резкое слово свое, то он был и прав, и вправе сказать. В.В. Билибин был человек талантливый. [...] Но Билибина потянуло к авторству для сцены – и на самую убийственную для таланта отрасль ее: в водевиль. Напек он водевилей бесчисленное количество, и большинство их имело успех у публики, но в литературе не остался ни один. [...] Чего же, в самом деле, заслуживает какой-нибудь “Цитварный ребенок”, как не быть брошенным за борт по прочтении? Водевильных начинаний своих Билибин сам конфузился. [...] Так что в фразах Чехова, которые г. Ежов пытается изобразить каким-то надменным генеральским злопыхательством, не звуча-

ло решительно ничего, кроме дружеского, товарищеского предупреждения: бросил бы ты, милый человек, заниматься глупостями, – ничего хорошего из того не будет” (Амфитеатров 1909).

Многое в воспоминаниях Ежова имеет отношение к действительности. Так, Ежов говорит о грубости и резкости молодого Чехова, его неправильном образе жизни, испортившем здоровье, – в этом признавался и сам писатель, отголоски находим в его письмах: “Издание стоит 200 руб. Пропадут эти деньги – плевать... На пропивку и амуры просаживали больше, отчего же не просадить на литературное удовольствие?” (Чехов 1974: 111-112). Ежов с возмущением рассказал о том, что Чехов правил самого (!) Л. Толстого – известна стилистическая правка Чеховым рассказа В. Короленко.

И вот когда молодой грубоватый Чехов 1880-х годов стал кумиром общества, он не смог этого принять. Ежов был не пасквильантом – он был искренним защитником того, что считал правдой со своей фарисейской точки зрения (нельзя править Толстого, например), в

силу поставленных задач и личной ограниченности видел ситуацию именно так, и интерпретация мемуариста делает ‘факт’ неправдой.

Бурная полемика по поводу воспоминаний выявила показательные в отношении общества к такого типа мемуарам моменты.

Часть критиков объяснила позицию Ежова завистью. В. Кранихфельд писал, что отношение Ежова к Чехову напоминает отношение Сальери к Моцарту: “Я нахожу их выступления закономерными и нормальными и даже нахожу, что без них прославление имени Чехова было бы неполным. Как у всякого предмета, освещаемого солнцем, есть тень, так у каждой настоящей, заслуженной известности непременно есть завистник. [...] Но Ежов – типичный завистник самого низменного пошиба. [...] Сколько мне помнится, Чехов, никогда не забывавший старых связей, относился к Ежову с обычной теплотой и даже что-то для него устраивал, так что к зависти тут еще присоединилась и неблагодарность” (Кранихфельд 1910: 125 вт. паг.). “К глупости мы отнесемся с пренебрежением, а к зависти с омерзением” (Потапенко 1910), – считал И. Потапенко.

Ряд критиков связал мемуары с «Новым временем». П. Сакулин отмечал: “Об одном только не догадывается наш критик и мемуарист, что можно было знать человека и в то же время совершенно не понимать его внутренней жизни [...] ‘Сырой материал’ г. Ежова то и дело срывается на разоблачения, а его ‘характеристика’ – на плоское суждение о человеке, которого он едва сумел понять с одной внешней стороны”. Эту ограниченность позиции Ежова Сакулин прямо связывает с долгим сотрудничеством в «Новом времени» (Сакулин 1909). “Г-н П. Сакулин расправляется со мной и с истиной с полной бесцеремонностью”, – возмущался Ежов, особенно возмутил его прием пересказа своими словами: “и получается нечто грубое, нелепое. Читатели введены в заблуждение, и многие могут подумать, что это я так плохо и плоско наговорил про Чехова” – а это на самом деле Сакулин, литератор бедный и неуклюжий, пишущий вульгарным языком: “Вот хоть эта фраза, будто бы мною написанная про Чехова: ‘Захваленный и самообольщенный беллетрист захотел быть наравне с Толстым, но так и не вышло из него не только Толстого, но и Тургенева, и Гончарова, и даже

Лескова. Таланта не хватило’. С такой хлесткостью не совсем хорошего тона г. Сакулин написал всю свою статью, но ни в чем меня не опроверг”. А намек на «Новое время» вообще был назван “неопрятной выходкой”: “Честное слово, от сотрудника «Русских ведомостей» я ждал приемов несколько благороднее! пусть же читатели оценят по достоинству уловки прогрессивного сотрудника прогрессивной газеты...” (Ежов 1909б: 601).

А. Измайлов выразил общее мнение, призвав публику закрывать глаза на недостатки великих людей. Критик не сомневался в правдивости Ежова, более того, он считал, что “в воспоминаниях г. Ежова ничего нет, что было бы неудобным, неприличным в литературном смысле: ни залезания в личную семейную жизнь Чехова, ни при жизни всех ему близких неудобных разоблачений, ни оскорбительного тона. Все – в пределах строго-литературной статьи, с неоднократными заявлениями о симпатичности общего облика Чехова, об авторских добрых чувствах к нему. Может быть, совсем немного нужно было бы вычеркнуть, чтобы статья соответствовала своему подзаголовку ‘Опыт характеристики’[...]”. Он призывал: “Пооща-

дите нас с вашей 'высшей справедливостью' и оставьте нам 'возвышающий обман'! Пусть образ, который мы создали по произведениям Чехова и по рассказам о нем Короленки, Горького, Куприна, Сергеевки, Тихонова, – несколько идеализирован! Но оставьте нам этот красивый образ неомраченным в укор и утешение нашей серой постылой обывательщины..." (Измайлов 1909а, Измайлов 1909б). Ежов справедливо посмеялся: во имя тезиса "тщмы низких истин нам дороже нам возвышающий обман" критик призывает забыть, что Шекспир крал дичь, Вольтер имел вставные зубы, а лорд Бэкон брал взятки, и верить, что Пифагор слышал гармонию сфер, Магомет беседовал с ангелами, а Беатриче была сверхъестественно хороша: "...я старался быть объективным, беспристрастным. Я рисовал не карикатуру, а портрет писателя [...] Дело, впрочем, вот в чем: я и г. Измайлов совершенно поразному смотрим на Чехова. Он видит в нем первоклассного русского писателя и ставит его имя рядом с именами Шекспира, Байрона, Пушкина. Я Чехова с такими гениями не сопоставляю и называю писателем средним, отчасти подражательным. Но в своей статье я

отнюдь не уподоблялся 'толпе, жадно читающей записки о великих людях, чтобы видеть их унижение', – храни меня Бог от этого! Но вот когда чуть не в хрестоматию начали вводить, как правило, что Чехов – 'великий писатель земли русской', что он 'выше Тургенева' и 'равен Толстому', да еще, вдобавок, едва ли не Христос по прекраснотушию, я позволил себе протестовать и пробовал определить истинные размеры таланта и деятельности Чехова; я хотел дать несколько верных и характерных черточек, из которых рисуется личность писателя, и сделал это честно, не тайком, не надевая маски псевдонима. Но вот выступает деликатный г. Измайлов и зовет мои факты 'низкими истинами'. Что же должен обозначать у г. Измайлова 'возвышающий обман'? Вероятно, то, когда биограф не только 'немного' вычеркнет темных случаев из жизни знаменитости, но даже преувеличит его солидные добродетели?" (Ежов 1909б: 597-599). Все эти авторы рассматривали воспоминания Ежова прежде всего с этической точки зрения. Но Ежов был по-своему прав, иронически высмеивая эти отзывы и отмечая неустойчивость предложенного этического критерия в оценке

мемуаров: для него Чехов не был великим человеком, соответственно, он не обязан следовать в воспоминаниях о нем моральным ограничениям.

Воспоминания Ежова А. Амфитеатров отправил М. Горькому на Капри. Тот откликнулся крайне эмоционально: “Ежова получил [...] Иногда вся Россия кажется покрытой прыщами и нарывами [...] а в толстой коже ее все шарахаются серенькие паразитики [...] творя яды гнилые” (Горький 1988: 194). А. Амфитеатров рассчитывал, что Горький напишет об этом к юбилейным дням января 1910 года, но тот ограничился этими словами о прыщах. В 1913 – 14 годы А. Лазарев-Грузинский, начинавший с Ежовым в *Осколках*, начал работать над воспоминаниями, которые должны были опровергнуть факты и мемуары Ежова в целом. Работа была закончена лишь в 1920-е годы и фактом литературно-критической жизни 1910-х годов не стала (Лазарев-Грузинский 1986).

Вопрос о достоверности мемуаров не стал актуальным для полемики 1909–1910 годов. Да и позиция мемуариста, в них высказанная, не была новой: Ежов просто довел до логического конца широко обсуждавшиеся идеи о ‘трех Чехо-

вых’, об обыкновенности и даже мелочности его натуры, о бессмысленности его драматических произведений и т.п. Практически то же самое, что написал Ежов, высказали ранее критики, мемуаристы самых разных направлений (Н. Михайловский, И. Ясинский, В. Буренин). Почему же тогда публикация Ежова вызвала взрыв негодования? Пять лет, прошедших после смерти писателя, были годами быстрой идеализации Чехова: “Мне было тошно от той сусальной одежды, в которую нарядили Чехова его чрезмерные поклонники (г. Измайлов зовет таких господ ‘безвкусушками’), и я своей статьей протестовал против ‘засахаривания’ (выражение также г. Измайлова) Чехова, против пошлости тона воспоминателей, а главное – чего не увидал ни один критик – против оскорбления и унижения светлой памяти великих писателей [...] перед которыми Чехов – былинка, озаренная этими могучими и живительными лучами. Оскорбляясь на мою статью за Чехова, господу журналисты лучше бы оскорбились за классиков русской литературы...” (Ежов 1909б: 597–599).

В посмертной литературной судьбе почти каждого писателя всегда есть неспроверга-

тель, более или менее успешно привлекий внимание к своим выпадам. Это героические борцы с мифом о великом писателе Н. И в случае с Чеховым идеализация его породила борца за его 'честный облик'. Такой Геракл, считающий, что он разгребает 'авгиевы конюшни', выдвигается на литературную арену, когда достигает своего апогея миф о писателе – появившись эти статьи или книги раньше (когда миф еще не сложился) или позже (когда хрестоматийный глянец уже окончательно прилип), они пройдут или незамеченными, или к ним отнесутся как к курьезу. В этом процессе идеализации писателя есть момент, когда ниспровергатель чувствует, что у него по-

явилась действительная возможность повлиять на общественное мнение – чаще он ошибается и даже достигает противоположного: такие публикации сплачивают силы мифотворцев в борьбе с определенным оппонентом. Такого рода мемуары есть в комплексе воспоминаний о многих писателях и созданы они по одной и той же схеме в соответствии с задачей их авторов: попытаться противостоять идеализации писателя в публике. Но сама по себе неплохая задача часто решается не путем усложнения образа писателя, а путем его снижения и упрощения.

Библиография

Амфитеатров 1909: А. Амфитеатров, *Записная книжка* // «Одесские новости», 27 авг. и 20 сент. 1909.

Амфитеатров 1910: А. Амфитеатров, *Записная книжка* // «Одесские новости», 17 янв. 1910.

Анненский 1905: И. Анненский, *Письма Е. М. Мухиной*: <http://annensky.lib.ru/names/muhiny/muhina1904-1905.htm#5>, 25 декабря 2017.

Батюшков 1906: Ф. Батюшков, А. П. Чехов по воспоминаниям о нем и письмам. *На памятник А.П. Чехову: Стихи и проза*. СПб., 1906.

Боборыкин 1897: П. Д. Боборыкин, *Собрание романов, повестей и рассказов: В 12 тт*, издание А.Ф. Маркса, т. IX. СПб., 1897.

Буренин 1895: В. Буренин, *Критические очерки* // «Новое время», СПб., 27 янв. 1895.

Горький 1988: М. Горький и русская журналистика начала XX века. *Неизданная переписка «Литературное наследство»*, т. XCV, Наука, М., 1988.

Динерштейн 1987: Е. А. Динерштейн, А. П. Чехов и А. С. Суворин. // *Книга: Исследования и материалы. Сб. IV*, Книжная палата, М., 1987.

Ежов 1904: Н. Ежов, *Антон Чехов: Мое с ним знакомство, встречи, впечатления*. «Новое время», СПб., 10 июля 1904.

Ежов 1909а: Н. Ежов, А. П. Чехов: *Опыт характеристики*, «Исторический вестник», СПб., 1909, VIII, с. 499-519.

Ежов 1909б: Н. Ежов, *Моя статья о Чехове: Беседа с читателями*, «Исторический вестник». СПб., 1909, XI, с. 595-607.

Ежов 1914: Ежов Н. *Письмо от 22 сентября 1914 г.*, Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 2567, опись 2, единица хранения 278.

Ежов 1915: Н. Ежов, А. С. Суворин: *Мои воспоминания о нем, думы и соображения*. «Исторический вестник». СПб, 1915, I, с. 110-138; II, с. 450-469; III, с. 856-879.

Измайлов 1909а: А. Измайлов, *Возвышающий обман и низкие истины*, «Русское слово», М., 15 авг. 1909.

Измайлов 1909б: А. Измайлов, *Развенчанный Чехов*, «Биржевые ведомости», СПб., 16 авг. 1909.

Кранихфельд 1910: Вл. Кр. [Рец. на кн.: Фидель. *Новая книга о Чехове: Ложь в его творчестве*] «Современный мир», СПб., 1910, I.

Кугель 1904: Квидамъ, *Воспоминания: Пародия*, «Русское слово», М., 15 июля 1904.

Лазарев-Грузинский 1986: А. Лазарев-Грузинский, *Чехов* // А. П. Чехов в воспоминаниях современников, Художественная литература, М., 1986, с. 86-121.

Менделевич 1914: Р.А. Менделевич, *Клочки воспоминаний*, «Раннее утро», М., 2 июля 1914.

Петров 1909: Г. Петров, *На барском дворе*, «Русское слово», М., 25 авг. 1909.

Попов 1944: *Письма А.П. Чехова к Н. Ежову* / Комм. П.С. Попова со слов Н. Ежова, «Октябрь», М., 1944, VII/VIII, с. 133-143.

Потапенко 1910: Фингал. *Впечатления бытия: Посмертные друзья*, «Биржевые ведомости», СПб., 2 янв. 1910.

Рейфилд 2011: Д. Рейфилд, *Жизнь Антона Чехова*, Б. С. Г.-Пресс, М., 2011.

Рынкевич 1998: В. Рынкевич, *Ранние сумерки*, Армада, М., 1998.

Сакулин 1909: П. Сакулин, *Новый взгляд на Чехова*, «Русские ведомости», М., 20 авг. 1909.

Среди великих 2001: *Среди великих: Литературные встречи* // Сост., предисл., коммент. М. М. Одесской, Российский гос.гуманит.ун-т, М., 2001, с. 193-250.

Черменская 1995: Г. В. Черменская, «Я искусил единого из малых сих...»: А. П. Чехов и Н. М. Ежов // *Чеховиана: Мелиховские труды и дни*. Наука, М., 1995, с. 278-314.

Чехов 1974: А. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт.*, Наука, т. I, М., 1974.